

100 признательных эссе

Ольга Бермант-Полякова

Ольга Викторовна Бермант-Полякова

100 признательных эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39825288

ISBN 9785449601018

Аннотация

По любому из этих рассказов можно снять фильм – короткометражку, лирическую комедию или драму. Сюжеты Ольги Викторовны любимы за узнаваемый «кинематографичный» стиль изложения, самоиронию автора и мастерское владение словом. Сборник эссе выходит книгой под одной обложкой для удобства читателей: все истории публиковались в интернете, их постоянно перечитывают и комментируют. Все совпадения с реальными лицами и обстоятельствами в текстах – случайны.

Содержание

Предисловие	6
Послевкусие	9
Средний сын	9
Я передумала	14
Где себе постелила,	17
Вкусно!	19
Дети играли в доктора	22
Врата родительского ада	24
Кем она вырастет?	26
Самая желанная	29
Обросла мхом	32
Мегера	34
Предатели	39
Расставание	42
Причину развода	45
Маленький мальчик	49
Капкан	52
Партнёр-присоска	57
Накатила жуть	60
Чай втроём	64
Командировка в Италию	67
Счастье	71
20 лет без тебя	76

Всё получится	78
Перфекционистка	80
Вазы в её доме	86
Мамины	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

100 признательных эссе

Ольга Викторовна Бермант-Полякова

Дизайнер обложки Дарья Коробко

Фотограф Нелли Бермант

© Ольга Викторовна Бермант-Полякова, 2018

© Дарья Коробко, дизайн обложки, 2018

© Нелли Бермант, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4496-0101-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Идею для книги мне подала мама. Она попросила «лёгкого чтения». Сюжеты родились из авторского желания наслаждаться: точно выбранным словом, послевкусием настроения от текста, интонационной свободой говорить о профессии.

Проницательный подписчик сказал однажды, что мои эссе в каждом выявляют свои болевые точки. Святая правда, именно так я свои тексты и пишу, – чтобы у каждого что-то шевельнулось в душе.

По профессии я психолог, психотерапевт. Слова эти употребляются в книге как равнозначные. Писала я истории очень быстро, сразу выкладывала в интернете и получила десятки тысяч просмотров и сотни перепостов.

Интернет-истории 2017—2018 годов собраны под одной обложкой для удобства тех, кто любит перечитывать, умеет видеть многозначность и многослойность как отношений, так и текста. Удалось ли автору вызвать эмоции, заставить задуматься, остановиться и посмотреть в стену, переосмысливая свою жизнь, решать читателю.

На жизнь я смотрю с позиции «Не судите, да не судимы будете». Морали в эссе нет, только психологическая правда и переживания, а они задевают каждого по-разному.

Эта книга – отличная возможность для каждого человека увидеть что-то близкое себе, примерить ситуации на свою

жизнь, узнать своих друзей и знакомых, найти решение своей проблемы, взглянув на происходящее со стороны.

Под красивой обложкой вас ждут два несхожих раздела.

Первый раздел книги – «Послевкусие» – о людях и отношениях между ними. Кое-где психолог упоминается как действующее лицо, в некоторых показана работа на индивидуальном приёме или с супругами.

Истории, рассказанные в этой книге, обработаны так, чтобы место действия и реальных действующих лиц невозможно было «вычислить». Кому-то я меняла страну, кому-то хобби, кому-то – описание внешности, всем героям – имя.

Поскольку это художественное творчество, а не изложение клинического случая, разрешения на публикацию от каждого пациента поимённо мне не требуется. Как говорится, все персонажи являются вымышленными и все совпадения с реальными биографиями совершенно случайны.

Второй раздел книги – «На сдельщине» – показывает работу психолога в разных обстоятельствах и подходах, что, как и почему специалист делает. Он о том, как строится профессиональное вмешательство «в длиннике», про многолетнее сотрудничество с семьями «трудных» для школы детей.

Я включила в «длинник» и признательный цикл «Басенки и побасёнки», где с иронией рассказываю личное, о себе. Историю моего профессионального становления с фактографией – эссе «Рождение клинициста», можно найти на моём официальном сайте <http://olga.co.il>

В книге я пишу подробно о причинах возникновения психологических трудностей и техниках работы, в надежде быть полезной как можно большему числу людей. Возможно, какое-то из эссе чем-то поможет и вам.

Любопытно, что «хитами» на Фейсбуке, в Живом Журнале, Вконтакте, Яндекс Дзен и на Пикабу становились разные истории. Завсегдатаи столь разных площадок совпали в своих горячих симпатиях только один раз из ста, комментируя эссе «Средний сын».

Вот с него и начнём.

Послевкусие

Послевкусие – вкус или аромат, которые остаются с человеком после того, как он распробовал напиток или блюдо или, в переносном значении, то, что остаётся после события, отношений, встречи.

Средний сын

С рождения сына она знала, что с ребёнком у неё что-то не так. Старший был ближе к сердцу, роднее, хоть и ершистый; младшая была ласковая, болтушка и проказница. А со средним она знала – не складывается.

Свою тонну книг по воспитанию детей она перечитала ещё в молодости. Сыну, казалось, ничего от них не надо: ни подарков, ни объятий. С детьми во дворе особо не играл, сторонился. К отцу тянулся, ездил с ним на рыбалку. Остальное было ему не интересно.

У неё попросил однажды набор инструмента для резьбы по дереву. Это было в его седьмом классе. Она удивилась, стала узнавать, что лучше купить. Никаких денег было не жалко, билась одна мысль – хоть так дать то, что не дала, не вложила, не долюбила. Поиски свели её с мастером резьбы по дереву, у него сын и перенял основы ремесла.

В школе учился сам, хорошо. После школы сын уехал из их маленького города в большой, поступил. Домой не приезжал, – начал подрабатывать. В гости не приглашал, а они показаться дома и не уговаривали – знали, что давить бессмысленно. Пообещает под нажимом, чтобы отвязались, а в последнюю минуту всё переиграет так, чтобы вырुлить по-своему.

Когда её мальчику было десять, она разговаривала с психологом о том, в чём её вина, что она сделала не так, что он таким вырос.

Где совершила ошибку?

Психолог задавала пугающие её вопросы – страшным было то, что психолог как будто сына знала, предчувствовала то, как он поступит в разных ситуациях. Потом говорила с ней про то, что ошибки никакой нет, что между людьми бывают разные отношения, и у её мальчика – такой вот тип привязанности, избегающий.

Она шла домой, повторяя про себя слова про то, что он таким уродился и она в этом не виновата. Чувствовать себя недоматерью она перестала только в его шестнадцать, когда

он, волнуясь, подарил ей собственноручно вырезанную липовую шкатулку.

Она обомлела, а сын показывал кто где: на крышке скульптурно изображены были и отец, и брат с сестрой, и она с ним у костра, все вместе на рыбалке. Всю композицию он придумал и сделал сам.

После вуза сын приехал один раз повидаться и сказать им, что на Родину не вернётся.

Работать устроился вахтами, чтобы скопить на квартиру в большом городе. Не пил, не курил. С тем, что он проживёт всю жизнь один, она не могла и не хотела смириться.

Раз в неделю она ему звонила, ненадолго. Денег он накопил, квартиру купил, зарабатывал сначала на ремонт, потом на хорошую кухню. Всё сам, без женской руки, – когда речь зашла о кухне, она твёрдо сказала, что после выходных придут с отцом на новоселье.

Спрашивала, что привезти, что подарить. «Не надо ничего везти, у меня все есть», – как же ранил её раньше этот ответ! Сейчас она ответила спокойно, мол, поняла.

В выходные на базаре столкнулась с учителем по резьбе. Он сильно сдал. Спрашивал, как у сына дела, рассказывал о своих многолетних хворях. Уговорил их с мужем поехать к нему прямо с базара.

В подарок сыну повезли от него тяжёлый мешок грушевых чурбачков. На словах просил передать, что высушена древесина на совесть, сушил для себя.

Дверь по адресу сына им открыла пухлая белокурая девушка. Отец только крикнул.

– Спустись к машине, гостинцы поможешь поднять. Тебе там мешок кой-чего передали, – попросил сына.

Всю дорогу домой она проплакала.

Соседки завидовали, какой он у неё ответственный, разумный и самостоятельный, а ей не хватало его ребячьей открытости, желания прильнуть к маме, того, что было в отношениях с другими детьми – души, тепла. Так и вырос, в своём доме хозяин и при хозяйке теперь. Навсегда взрослый.

– Не угодишь тебе! То один он – плачешь, то женат он – плачешь, – не мог взять в толк, отчего у неё льются слёзы, муж.

Она плакала не о нём, а о себе. О третьем ребёнке, которого у неё не было.

Младшая дочь взяла дело в свои руки, навела мосты, подружилась в Фейсбуке с невесткой. Приходила, показывала ей на компьютере фотографии, которые та выставляла.

Сын тоже там в Фейсбуке был, вёл страницу. Лица его там не было, только на снимках – вырезанные из дерева фигурки. Непостижимо живые.

Она заходила на его страницу каждый день. Научилась лайкать его посты.

Написал он на своей странице только один раз.

На смерть мастера, у которого учился.

Про то, как много этот человек ему дал. Про то, как важ-

но ему было встретить человека, который чувствовал сокровенные движения его души, даже когда словами он не мог их сказать. Про то, что в жизни таких людей у него было только двое – мастер и мама, которая подарила ему первые инструменты, поддержала в учении, всегда верила в него.

Что она не похожа на других мам – она не любит пустые разговоры. А однажды привезла ему тяжеленный мешок дров в подарок, а не занавески и кастрюли на обустройство хозяйства. Но это был самый желанный подарок на свете, потому что древесину сушил далеко в другом городе его учитель, и это его наследство. Это его дух делает такими чудесными его скульптурки.

В комментариях к посту чужие люди восхищались ею и пели осанну её материнству.

Она молча легла пластом и не могла сдвинуться с места два дня. О том, что она передумала внутри себя, она никому никогда не рассказала.

Я передумала

Ей за сорок, её сыну в районе двадцати. У сына есть девушка, вместе с которой он снимает квартиру.

Несколько месяцев она уговаривала себя, что это их дело, и не вмешивалась. Потом сын не сдал сессию. Она посоветовалась с мужем и пригласила молодых жить на родительской территории, чтобы сын работал поменьше.

Так и выяснилось, что девушку давно отчислили, а с работы она уволена за прогулы.

Молодая до рассвета занимала себя игрой в компьютерные игры, потом спала до трёх дня. Желания взять на себя часть работы по дому не выказывала. Финансово участвовать с жизни семьи – тоже. Свою ношеную одежду молодая отправляла в общую корзину, так что нижним бельём занимались они – чужие ей люди.

– Должен же быть хоть какой-то стыд? – задаёт она мне психологу риторический вопрос. Похоже, эта женщина первый раз в жизни столкнулась с социопаткой, паразитирующей на других. Иначе бы не пришла бы на консультацию с вопросом, что им делать.

Несколько месяцев она тащила весь быт на себе, потом пожаловалась мужу, потом поговорили с сыном. «Ну вот такая она, мам», – было ей ответом.

– Вы пробовали напрямую с девушкой поговорить?

– Она не планирует.

– Что?

– У неё один ответ на всё. Помогите на кухне – «она не планировала» сегодня готовить. Помогите навести порядок – «она не планировала» сегодня убираться. Сходить в магазин за хлебом – «она не планировала сегодня выходить из дома».

– А зарабатывать свои деньги и платить за жильё и коммунальные услуги?

– Я намекала ей, что мы не обязаны содержать взрослого трудоспособного человека. Я сама работаю с шестнадцати лет, мы с мужем всего в жизни добились сами. Сын подрабатывает со второго курса. Мне не жалко ей тарелки борща или котлеты, поверьте, но...

– Она не намерена ни учиться, ни работать, а её родня рада, что пристроила её к вам, и не спешит выходить на связь?

– Всё так. Не хочется вмешиваться в личную жизнь сына, любовь зла, вот такую её он полюбил, – вздыхает она.

– Сын целый день на работе и на учёбе, а вам хватает интернета на работе, правда? Вы пригласили их на свою территорию, но вы можете и передумать. Соглашусь, любовь – прекрасное чувство, но здравый смысл подсказывает мне вариант «я не планировала» в ближайшие месяцы оплачивать интернет... Как вам идея?

– Мне нравится.

Через неделю молодая перебралась от них к подружке,

вернее, к компьютеру и холодильнику в загородном доме подружкиных богатых родителей.

Сын сделал в своей комнате ремонт, работает и учится, как и до расставания.

Муж, поддав стопочку вечером на даче, иногда поддразнивает, мол, он не планировал полоть – пилить – копать.

Но потом передумал.

Где себе постелила, там и спи

Ей 17. У неё отец-компьютерщик и мать-колхозница. Отца она ненавидит за то, что орал на неё и заставлял заниматься математикой. Мать презирает за примитивность и попытки её «прогнуть». Она уехала от них сразу, как ей предсказуемо отпраздновали совершеннолетие – табором скучных родственников, надоевших идиотскими советами и зачитыванием открыток с банальными четверостишиями.

Ей 19. У неё первые в жизни серьёзные неприятности на работе. На фоне стресса пошатнулось здоровье. Ей пришлось вернуться к ним. Отец помогает ей судиться, а мать готовит примитивные блюда, которые ей прописал врач.

Ей 20. Суд выигран. Родители купили ей машину, чтобы приезжала домой почаще. Новая работа приносит больше денег. У неё молодой человек, который занимается компьютерами и с удовольствием советуется с её отцом.

Ей 21. Они живут вместе. Все праздники они проводят у родителей её гражданского мужа. Мнение её родителей об этом её не интересует. В семье мужа подают блюда национальной кухни, – она научилась их готовить.

Ей 22. Он делает ей предложение. Они переезжают к её родителям, чтобы накопить на первый взнос за квартиру. Отец оплачивает её вечернее обучение, – все её ровесни-

ки давно получили высшее образование, пока она работала. Мать, оказывается, умеет быть на кухне по сменам утро-вечер, а не стоять над душой, комментируя каждое движение, так ли готовишь.

Ей 24. Они въехали в новую квартиру. Родители подарили крупную сумму на обзаведение своим хозяйством. «Чтоб не говорил, что без приданого взял», – пропадающим от волнения голосом говорит отцу мать и теребит рукой передник. Его родители попросили оплатить его сестре учёбу, – раз молодые при деньгах.

Ей 26. Отец счастлив, – она доучилась и работает по специальности. Муж помогает своим, – то отцу на ремонт машины, то матери на отпуск, то сестре на новую машину. Она готовит привычные с детства, простые, но родные блюда.

Ей 27. Она хочет разводиться. Устала пахать на его родственников. Рассказывает родителям, как тяжело с мужем, которого нужно нянчить.

– Где себе постелила, там и спи, – жёстко обрывает нытьё отец. За свои выборы в жизни каждый отвечает сам.

– Я молчала, когда ты тиранил её в детстве с этой проклятой математикой, а сейчас молчать не буду, – вступается за неё мать. Если тебе там плохо, уходи от него. Найдём другого, кто будет тебя на руках носить.

Она с удивлением замечает, что «примитивная клановость» матери больше её не бесит.

Вкусно!

Поругались они из-за Веркиного жаркого. Собрались давнишней, проверенной временем компанией на Веркин День рождения, накатили – бабы несколько бутылок шампанского, мужики бутылку дорогого виски из дьюти фри, язык развязался, и тут он и ляпнул. Мол, Веркино жаркое всегда такое вкусное, а у тебя еда так себе, просто поесть, без удовольствия.

Характера ей хватило только на то, чтобы не показать всем тут же за столом, как её раскатали эти слова. По дороге домой она вырвала у него свою руку и шла отдельно. Муж только пожал плечами, – чёрт её знает, какая муха жену укусила на этот раз, хочешь идти сама, иди.

Два дня потом она вспоминала ему и прибабахнутую свежую кровь, и аварию на машине, на которую ушли все отпускные деньги, и то, как он забыл позвать её брата на свой День рождения.

Неделю после этого разглядывала Веркины фотографии на Одноклассниках и ставила ей Классы и пять с плюсом, всем фотографиям. Плакала в ванной, украдкой. Чувствовала себя никчёмной женщиной, которую унизили при всех.

Никто из гостей слов её мужа вообще не помнил, а ей его упрёк полыхал адским огнём. От переживаний она схуднула и стала хуже спать.

– Да спроси ты у Верки рецепт этого жаркого, и дело с концом! – посоветовала ей хорошая подруга.

Она спросила, ей было не жалко потратить время. Ничего особенного Верка в своё жаркое не клала, всё было то же самое. Но ему Веркино было, видите ли, вкуснее!

Подошли следующие праздники, и всей давнишней, проверенной временем компанией собирались выезжать на турбазу. Ей с Веркой досталось поручение закупать продукты, – планировали много всякого, деньгами скидывались несколько семей.

Одним из своих талантов она по праву считала умение экономно вести хозяйство. Покупать подешевле, знать, когда будут скидки, где ужаться и как заменить дорогое – приемлемым по цене.

Когда ей навязали Верку в пару для закупки продуктов, она из духа противоречия решила смолчать и не сдавать ей адреса-пароли-явки продуктовых баз в городе и магазинчиков, где можно хорошо сэкономить. «Раз я такая дура, а она такая кулинарка-хозяйюшка, пусть она и выкручивается!»

Верка заехала за ней на машине, и они покатили на Центральный рынок. Выбирала Верка всё по делу, не придерёшься. И вот что ещё было заметно – брала всё самое свежее. По деньгам они, конечно, особо не наэкономили ничего, но, как говорится, с той поездки ей в голову попала мысль.

На следующей неделе, ближе к выходным, она поехала на рынок и купила всё на жаркое, – свежайшего качества,

как Верка. Сготовила, подала семье на стол, налила по бокальчику вина.

– Вкусно! – похвалил муж её еду. – Обалденно!

– Нравится? – удовлетворённо закрыла она для себя кулинарную тему.

– Очень! – искренне сказал муж.

– Фирменный рецепт, мой, – чётко и выразительно сказала она ему. И про себя добавила: «Не экономить».

Дети играли в доктора

История стара как мир. Собрались гости, дети ушли играть. Возраст детей – мальчики и девочки начальных классов. Пока мамы-папы пили и закусывали за праздничным столом, дети затихли в дальней комнате.

Потом один из пап заметил подозрительную тишину и пошёл посмотреть, что они там делают.

В детстве папа сам разводил костёр в папиной офицерской шапке. Безопасно положил её на дно ванной, не учёл только дым, – поэтому примерно представлял, на что способны его отпрыски.

Но дети не собирались поджигать частное домовладение. Вместо этого папа увидел свою дочь в одних трусах, стоящую над сыном друзей без трусов. Дочь была доктор, вторая девочка тоже была доктор, мальчики были пациенты и их осматривали.

Все участники действия увлечённо комментировали происходящее, что там где и с какими бубенчиками.

Увидев отца, дочь пустилась в рёв, сын бросился одеваться, дети гостей включили сирену «мама!». Гости ушли, хлопнув дверью. Праздничный торт остался не распробованным в холодильнике.

«Дело житейское», – сказал дедушка, когда услышал о первых шагах на стезе эскулапа.

«Странные люди, посмеялись бы и отмечали дальше», – отреагировал папа, который в детстве сам не раз и показывал, и рассматривал. Правда, в детском саду, а не в школьном возрасте.

«С детьми надо поговорить», – решила мама.

«Иногда лучше молчать, чем говорить», – был уверен папа.

Мама и папа из семьи, которая приходила в гости, купили своим наглядную книгу, которая доступным языком объясняла анатомическое строение людей противоположного пола.

«Семь лет не тот возраст, чтобы о таком разговаривать», – авторитетно заявила бабушка.

Обсуждать или не обсуждать с детьми случившееся? За советом пришли к психологу.

Конфликт разрешился по-маминому, с детьми поговорили. Узнали подробности.

«ОК Гугл, откуда берутся дети», – выдали отпрыски источник вдохновения.

Гугл показал видео и поведал про гинеколога. Вот в гинеколога и играли, уложив мальчиков на диван...

Врата родительского ада

В каждом городе они есть – места, где раскрываются врата родительского ада. Они зияют огромными проёмами в душе тех, кто приходит на кладбище, чтобы поплакать – у могилоч своих младенцев и детей.

Горе может быть бездонным, может быть оглушительным, может быть невыносимым. Родительское горе – душераздирающее. Тот, кто там был, никогда уже не будет прежним. Внутри всегда будет идти счёт, – сколько было бы сейчас ребёнку, который до радостного момента не дожил.

Как помочь матери, которая простирает руки в пустоту, не имея даже надежды обнять своего родного, тёплого, знакомого до дрожи ребёнка? Что сказать отцу, мужчине, чьи глаза покраснели от ночных, невидимых миру рыданий? Какой мерой измерить родительскую муку?

Мерой молчания.

Склоните голову перед глубиной родительской скорби. Отойдите на почтительное расстояние. Слова сочувствия и уверения, что «всё ещё наладится», режут по живому своей фальшью. Не наладится. Примите как данность – есть раны, которые время не лечит.

Они выпили горькую чашу до дна. Помочь матери и отцу, потерявшему ребёнка, может только ваша тактичность. Ваш такт не позволит вам заговорить об успехах ваших детей

в присутствии родителей, переживающих острое горе. Ваш такт подскажет вам, что не нужно звать их на шумный детский праздник, где другие дети будут прыгать и обнимать других родителей.

Ваша чуткость поможет вам не спрашивать ничего про взгляд, которым обескровленные родители провожают случайно встреченных на улице детей, – чем-то неуловимо похожих на того, ушедшего в иной мир. Потому что они будут искать своего ребёнка взглядом в толпе.

Всегда.

Кем она вырастет?

Когда Катька выходила замуж за своего лейтенанта, её мать бежала по улице за машиной и кричала на всю округу, какая она счастливая. Впереди была понятная и обеспеченная жизнь на полном государственном обеспечении, с служебным жильём и возможностью не работать.

Мать у Катьки детдомовка, замуж вышла рано и держалась за мужа крепко. О таком же надёжном муже мечтала и для своей единственной дочери.

Только вот не получилось так, как загадывали. Подломилось здоровье у отца. Рак лёгких. Опомниться не успели, как нужно было прилетать с Дальнего Востока, хоронить.

За гробом по февральской оттепели Катька шла беременная. Расхристанная, без пухового платка, на сыром ветру, раздавленная тем, что не попрощалась, не прилетела раньше. Матери было не до неё, и никто не подсказал, не научил беречься. Возвращалась к мужу на перекладных, уже с температурой. В военном городке слегла с воспалением лёгких.

Почему-то более всего была мысль о том, что папа никогда не увидит её ребёнка. Ей было всё равно, что будет дальше. В госпиталь беременную положили против всех правил, уже с пневмонией. Спасли Катьку лошадиные дозы антибиотиков.

Мужу военврач объяснила, что лекарства повлияют

на плод, и что предсказать никто ничего не возьмётся. А Катьке, когда выписывала, сказала:

– Ты, девка, как родишь, – помогай ребёнку набираться здоровья. И не требуй от него, чтобы умел всё то, что другие дети умеют. Будет учиться в школе на тройки – считай, что Бог тебя пожалел.

Родилась дочка. Назвали Сашкой. Похожая на папу – одно лицо. Служили они к тому времени в другом месте, в малолюдной глуши, где и лес, и речка, и свежий воздух.

В отпуске, у Чёрного моря, Катька впервые увидела, как дочка играет с другими детьми, и отличие резануло по сердцу.

Ведомая, доверчивая, любое слово принимает за чистую монету, – среди детей быстро нашлась девочка, которая стала Сашкой помывать. Сбегай туда, скажи то, принеси сё. Катька чётко видела, как её дочь заставляют себе прислуживать. И как счастлива наивная её девочка тем, что «они подружки»...

– Нету в ней стержня, – делилась Катька с мужем. – Не получается у неё стоять на своём.

– Научится ещё, жизнь длинная.

В школу Сашка пошла уже на «большой земле», в городе в центральных районах страны. В конце первого класса их с мужем пригласили на комиссию. Говорили про коррекционную школу, про условия для раскрытия потенциала ребёнка, когда с ним занимаются педагоги-дефектологи. Катька

запомнила из всего только приговор «школа-интернат 7 вида». Как ноги донесли к выходу, как бежала прочь, рыдая, давясь виной, что не уберегла себя и дитя в том промозглом, сыром, продувающем насквозь феврале, – провалилось в беспамятство.

В ту ночь они впервые с мужем серьёзно поговорили. Про то, что не хотела своими рыданиями Сашу пугать, поэтому убежала с комиссии. Про то, как спасали мать. Про то, что будущего не знает никто. Про мир, где без их согласия никто ребёнка в коррекционную школу не переведёт. Про то, будут ли у них ещё дети.

Про то, кем она вырастет, их родная дочь.

Самая желанная

Потом она вспоминала это как страшный сон, годы неудачного начала своего брака. Собственного тела она не чувствовала и как его баловать, не знала. Вместо радости тело приносило неприятности – во время эпиляции было больно, в женские дни – хлопотно, а обладание телом создавало в жизни одни сложности.

Постельные сцены и поцелуи героев на экране вызывали у неё ощущение неловкости. Восхищённые взгляды мужчин она не замечала. Сравнивая себя с другими женщинами, чувствовала себя недоделанной то в одном, то в другом.

То, что у мужчин сносит крышу, и она – причина безрассудных поступков, до неё дошло ещё в школе. То, что у мужчин есть желания, и все – непристойные, она усвоила дома, одновременно с перспективой «принесёшь в подоле – выгоным на улицу».

Про то, как сильно может тянуть друг к другу мужчину и женщину, она не догадывалась. Мужа она полюбила за порядочность и характер – он был способен упереться в цель и заработать невообразимые для неё деньги. Ему не нужен был никто, кроме неё.

Это была любовь глухой к своему телу с немым, стоящим столбом. Они никогда не обсуждали ни её страхи, ни её мышечные зажимы. Никто не сказал им, что всё это – поправи-

мо.

Несколько лет спустя при мысли о выходных и близости с ним к ней подкатывала тошнота, а он украдкой плакал в подушку.

Врач, выписывая ей антидепрессанты, поинтересовалась, удовлетворена ли она своей интимной жизнью. Она струсила сказать правду и ответила «Да».

Она думала о разводе, но его карьера шла в гору, и всеми деньгами в семье распоряжалась она. Он устал ждать чуда и стал коллекционером порнографии.

В новой квартире они легли спать в разных спальнях.

Новый мужчина был ей не нужен, она была уверена, что с другим будет то же самое. Новые женщины были ему чужими, родная была – она одна.

Возвращаться мыслями в начало их брака он не стал бы под угрозой расстрела. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Его отдушиной была дача, и в один из дней он распахнул себе руку болгаркой.

Первый раз в жизни она испугалась за него, глубоко, до нутра, по-бабски.

Развороченные мышцы и сухожилия в больнице сложили обратно, раны зажили, но для реабилитации нужно было делать зверский массаж – разрабатывать укороченные контрактурами мышцы.

Она научилась добираться до каждой прожилки его почти действующей руки. Он научился не вскрикивать, перетерпе-

вая боль. Каждый раз после мучительств её укрывала с головой нежность. И однажды она не стала сдерживать порыв и нежно поцеловала его. Долго, по-настоящему.

Он ответил лаской. Первый раз в жизни у неё внутри «сердце ёкнуло» и захотелось больше, чем поцелуй. После близости он впервые без обиняков её спросил: где она расслаблена, где напряжена и как ей приятно. Впервые она призналась ему, что не знает себя.

Он сделал выводы и попросил начать всё заново, с чистого листа. Она смутилась и убрала подальше его постель.

Много лет спустя её бестактно спросили, почему у них так долго не было детей?

Она попыталась проглотить ком, вставший в горле, и сразу не нашлась, что ответить. Впрочем, собеседница быстро заполнила паузу своими рассуждениями о том, что именно так, как они с мужем поступили, и надо делать – сначала создать жилищные условия, а потом рожать.

Наедине с собой она успокоилась, погладила горло руками и представила, как достаёт наружу свои скомканые чувства: злость, печаль, страх. Тело расслабилось, и сами собой пришли слова: родила она, как и положено новобрачной. Через год с начала регулярной половой жизни с любимым мужем.

Обросла мхом

Когда Надюшке ещё не было сильно за тридцать и никто из подружек не был давно замужем, она часто смотрела в небо, на самолёты и представляла, как у неё будет муж-лётчик, который будет махать ей из кабины. У неё была мечта, чтобы любовь была как в кино.

Надюшке 35 и она ни разу не была замужем. Мысли про лётчика запихнуты далеко-далеко, подальше от осознания. Думать их горько и обидно. А о том, отчего тяжело на душе, Надюшка привыкла молчать.

Знакомили ли её с кем-то? Знакомили. Нравился ли ей хоть кто-нибудь? Иногда нравился. Только было страшно, сначала, что за компромиссными вариантами пропустишь того, единственного.

Мама и тётя давно от неё отстали с вопросами на злополучную тему. Один отец никак не может успокоиться и возмущается, что она всё время сидит в своей комнате, как пенёк в лесу, обросший мхом.

Мхом он называет шерсть, из которой Надюшка валяет игрушки. Вся комната Нади заставлена игрушками ручной работы, – весёлыми, милыми и добрыми зверятами. Работает она в учётно-финансовом отделе в хорошей конторе, с премиями и без переработок, а после работы летит домой, к своим детям. Вернее, детищам.

Выкладывает на поролоновом коврикe комочек шерсти и колет, колет, колет, придавая ему нужную форму. По всей комнате у неё пакеты с шерстью для валяния – красивой, мягкой, тонкой, и остевой. Она колючая, но без неё изделие не будет держать форму.

Своих детей у Надюшки, наверное, никогда не будет. Опоздала на поезд, в котором уехали в семейную жизнь другие. Такая судьба, вытащила бессемейный билет. В любом школьном классе найдётся такая девочка, которая так и не вышла замуж. И такой мальчик, который рано погиб, до сорока лет. И такой мальчик, который уехал – в далёкую страну. Марш Мендельсона звучит не для всех.

Надюшка давно живёт в двух потоках времени. В одном руки валяют, в другом голова слушает аудиокнигу. У неё есть любимые дикторы, в голоса которых она влюблена, кого переслушивает по два-три раза подряд.

На работе то же самое: глаза смотрят на монитор, рука щёлкает мышкой, разговоры сотрудников между собой сливаются в тихий ровный гул, а внутри крутится свой 3D фильм. В этом фильме она уезжает навстречу приключениям и встречает его, своего лётчика. И он погибает. И она никогда не выходит замуж за другого, чтобы его не предать.

Она никому не может про это рассказать, потому что над ней посмеются. И будет молчать, как пень, обросший мхом, – пока не дойдёт до психотерапевта.

Чтобы разрешить себе – другой мир.

Мегера

Комната отдыха в СПА была как везде: бледных тонов, круглая, с чайными столиками, матерчатыми креслами, стеклянными стенами и панорамой на живописный вид за окном.

– Простенько, но чистенько, – удовлетворённо заметила одна женщина другой. – Мы были в отеле, где отдыхать после массажа и сауны приводят на водные кровати, а садятся на скамьи с подогревом.

– Каминного зала со стеклянным потолком не хватает. Люблю смотреть на звёзды в горах, – негромко поддержала собеседница. – Но зато нас здесь никто не услышит.

Пришлось подняться со своего кресла и продефилировать в белом махровом халате к центру зала за ещё одной чашкой зелёного чая, чтобы не подслушать ненароком.

Ту, что хотела камин, я не знала. Её собеседница была мне знакома.

– Здравствуйте, Ольга Викторовна! – приветствовала меня бывшая пациентка. – Вы тоже тут отдыхаете?

Со всеми пациентами без исключения у меня есть уговор: я никогда не поздравляюсь первой, оставляя им право решать, признаваться в знакомстве со мной, или умолчать об этом.

Когда практикуешь в одном и тоже месте два десятка

лет, сталкиваешься с теми, кому помогал как психотерапевт, и в ресторане, и на набережной, и на кассе супермаркета, и на заправке, и в кафе-мороженое, и в бассейне.

Поздороваться – значит разгласить то, что до какого-то момента было сугубо личным делом. Не всегда момент для этого подходящий: пациент может быть в компании кого-то любопытного, кто приступит с расспросами, или кого-то, кому не особо доверяет.

Пускаться в откровения посреди торгового центра, вспоминая депрессивный эпизод после аборта от любовника и походы к психологу тайком от мужа, или лихорадочно изворачиваться и придумывать на ходу ответ, кому было адресовано «Здравствуйте!», – та ещё дилемма.

Поэтому я с самого начала занятий уговариваюсь: это ОК, если вы сделаете вид, что меня не знаете. Я первая с пациентами не здороваюсь.

– Вы так же пьёте «лысый»? – спросила она про чай.

– Да, без молока и без сахара, – подтвердила я. «Лысый» – это было слово-пароль, напомнившее нам наше общее прошлое – терапию. И чашку горького чая на столе, он помогает мне думать.

– Моя сестра – моя тер, – познакомила нас пациентка. – Ух, какая я была мегера, когда к вам пришла, помните?

– А сейчас как? – строго спросила я.

– Никакой поблажки этому импульсу! Всё делаю, как научили, – с готовностью подтвердила собеседница. – Всегда

помогает.

Расскажу, что её выручает, вдруг кому-то из читателей тоже пригодится. Бывают среди людей такие, кто боится перемен, нового. Им нравится, что один и тот же магазин на одном и том же месте последние двадцать лет, например. Они любят покупать один и тот же сорт сыра и видеть одну и ту же упаковку любимого продукта. Вещи как будто «свивают гнездо», поддерживают в эмоциональном смысле, не дают проваливаться в пустые тревоги и страхи.

Очень болезненно воспринимают перемены, касающиеся «гнезда», например, магазин перепрофилировали, сыр перестали выпускать, упаковку перерисовали. Обязательно ещё с десятилетку вспоминают при случае, какой магазин был раньше на месте нынешнего, в какой салат добавляли сыр, когда он ещё был, и кто подтвердит, что упаковка была раньше именно такого дизайна. Словом, даже в мыслях «не отпускают прошлое» от себя, гонят перемены, не принимают их душой.

Раньше это называлось «памятовать», не забывать. Сейчас слово устарело, и встречается в варианте «злопамятный».

Их цепкость проявляется не только по отношению к вещам. Помнить можно и слова, и поступки, и даже намерения.

Среди людей с цепкой памятью немало тех, в чьём внутреннем мире есть перекося: плохое прочно впечатывается в их память, а хорошее скользит по поверхности и не задер-

живается.

Психиатр сказал бы, что они тревожные и параноики одновременно. Бывает, что к двум этим сложностям добавляется третья: мстительность. Вот такой тройственный характер «мегерам» и приходится обуздывать в самих себе.

Сначала они учатся нейтрализовать своё желание поквитаться и «напасть» на человека, который тебе дорог. Ну, или «напасть» на отношения с этим человеком. Обесценить, как сейчас говорят. Смешать с грязью, говорили раньше.

Я разрешаю в такой момент сказать вслух самому себе «Ты плохой!» или «Пошёл вон со своим уродским отношением ко мне!». Не другому человеку сказать, – это сделает ему больно, а зачем делать больно тому, кого любишь? Это путь в никуда. В воздух сказать. Но – произнести вслух.

Обычно после гневного выплеска на тему плохости поднимается со дна души желание поплакать жгучими, горячими слезами. Надо разрешить себе поплакать.

А потом надо почитать, что хорошего человек тебе сделал. Да, все «мегеры» по моей просьбе ведут дневник в телефоне, куда записывают хорошие моменты в отношениях с партнёром: сделал приятное, порадовал, доставил удовольствие. Раз устная память на его добрые дела слабая, пусть работает письменная.

Много раз мне признавались, что перечитывают с огромным удивлением, потому что вообще не помнят, напрочь вылетает из головы. А ведь да, было! Делал! И настроение сно-

ва меняется, заплаканные глаза улыбаются, потому что человек-то хороший рядом!

Минут десять требуется на всё. А партнёр может и не догадываться, какой огромный эмоциональный путь «мегера» каждый раз проделывает, чтобы поддерживать отношения, а не уничтожать их.

Потому что им каждый раз приходится снова и снова делать выбор, созидать или разрушать, а это трудно.

В общем, вы поняли, – я всех своих «мегер» очень люблю. Они замечательные.

Предатели

Ничего в этой жизни не доставалось ей просто так. Каждую копейку она заработала, выгрызла, добыла – сначала тяжёлым трудом, потом хитроумными комбинациями. Сёстры только и умели, что завидовать, а она шла к своей цели не сворачивая, напролом.

Первого мужа она заездила работой, он умер от инфаркта. Вторым умел пропускать её ругань мимо ушей и отвоевал статус-кво: она не вмешивалась в его дела вне дома, а он – в её методы воспитания детей.

Дети и подкачали.

Старшая уродилась малахольной, замыкалась в себе, боялась и матери, и жизни, и предала очень рано, в свои семнадцать лет – напилась таблеток, чтобы уйти навсегда.

Средняя всю жизнь старалась ей угодить, задобрить. После второго аборта она велела ей родить, хоть от анонимного донора, и выделила квартиру, где та будет отдельно жить. Внука мать забрала себе, он был ей нужен вместо третьего, пропавшего, сына.

Младший сын выучился на финансиста и пристрастился к азартным играм. Доверить ему управление тем, что она наживала всю свою жизнь, она не могла.

Дочь разочаровала, не смогла устроить всё как надо и родила от знакомого. Тот подал на установление отцовства

и заявил в суде права на её наследника.

Она отправила дочь к психологу, чтобы написал заявление на официальной бумаге, мол, отец ребёнка – психопат. Психолог со слов мамы писать про характер папы отказалась.

Суд тоже предал: признал права отца и обязал их с ним сотрудничать.

Она выдавала внука на два часа, запрещая быть в квартире и выходить из подъезда. Мальчик с отцом сидели в застеклённом пыльном аквариуме консьержки, читали вместе книжку, собирали Лего и обнимались.

Она добилась увольнения сердобольной консьержки и прекратила это общение.

В школе внук попробовал наркотики. Она боролась, лечила в нескольких клиниках, но врачи им попадались бездарные.

Теперь она хочет попробовать психотерапию.

На самом дне дантова Ада, в 9-м кругу, в ледяное озеро впаяны предатели доверившихся. Иногда они к вам приходят.

Они сидят на приёме. Суровая, крепко сбитая женщина держит за руку старшеклассника с оловянными глазами и уповает на разговоры раз в неделю.

Кивает на слова про жизнь в трезвости. Согласна на работу с психологом. Готова быть откровенной. Не возражает, что честность – краеугольный камень новой жизни. На словах о том, что нужен диалог трёх поколений семьи, вместе

с мамой и папой, смотрит на меня ледяными глазами, бросает купюры на стол, поднимается и уходит.

Вера всегда со мной.

Нескладный, высокий мальчик покидает приёмную следом за бабушкой и растерянно задерживается в дверях. Яжимаю его тёплую руку и прошу: «Найди меня в соцсетях».

Расставание

Странным было то, что она не ответила ни на один телефонный звонок. Не отвечал ни мобильный, ни домашний, ни рабочий. Он написал ей сообщение в мессенджере, и увидел в ответ два слова: «Проверь почту».

Он возвращался из командировки по работе, ждал встречи, слал ей сообщения «зарегистрировался», «прошёл на посадку», «приземлились», «беру такси», а она в это время сидела и писала ему письмо:

«Не хотела тебе ничего говорить, пока ты занят. Сейчас ты летишь, а я пишу тебе, и в такси у тебя будет время это прочитать. Я уйду. В квартире порядок, всё убрано. В ванной свежие полотенца. Прими душ. Расслабься. Твои таблетки на кофейной стойке в кухне. Прими снотворное и иди с утра на работу».

Он не осознавал того, что происходит, того, о чём прочёл.

Ключ долго не попадал в замочную скважину, руки тряслись, сердце колотилось, хотелось орать.

Он бросил вещи в коридоре и прямо в обуви прошёл к платяным шкафам и в спальню.

Она увезла с собой всю свою одежду и косметику. Квартира сверкала чистотой, которую он ненавидел. Махровые полотенца в ванной были выложены аккуратно выровненной стопкой.

«Ты можешь мне позвонить?» – написал он ей.

«Нет», – ответила она в мессенджере. – «Всё общение только по мэйлу».

Следующие две недели они переписывались.

Она объясняла ему, что это решение долго в ней зрело. Вспомнила ему все его неправильные поступки. Писала, что будущее никем не гарантировано, и нет смысла начинать всё заново, забывая всё, что было и стирать с доски долгие перечни претензий друг к другу. Сообщала, что она сделала свой выбор, и будет жить без него.

Он прямо спросил, хочет ли она развод.

Она ответила, что просто хочет пожить отдельно. Что их отношения зависят от них обоих. Что если он не хочет развода, она не будет настаивать. Что она много лет умоляла его не разрушать то, что они построили – семью. Что решение, безусловно, за ним.

Работа спасала, к алкоголю он запретил себе прикасаться. Через месяц он впервые заговорил с друзьями о том, что она переехала к маме. Вспомнил, как беспрекословно оплачивал её заграничные отпуска, ремонты, машину, покупки. Не бил, не обманывал, всё заработанное нёс в дом.

Друг ошпарил фразой «от него сбежала жена». Стало больно, до слёз.

Две недели он вечерами напивался и оплакивал своё одиночество. Родители заняли позицию невмешательства. Брат сказал, что надо было лучше трахать.

А потом у неё закончились деньги, и она вернулась.

Причину развода я так и не понял

Её колотит, когда она это рассказывает. Она всё знает про людей разного круга. Про порядочность. Старается успокоиться, но может только давить свой крик и плакать у меня на консультативном приёме.

Про таких, как Лена, говорят «родилась с золотой ложкой во рту».

– Вы давно не были в Москве, – усмехается она. – Серебряная, максимум.

Они с мужем – люди одного круга. Лена – единственная дочь и внучка в семье музыкантов консерватории. Игорь – единственный сын и внук в семье профессоров университета. Поженились на втором курсе, чтобы сбежать из родительского дома.

Вместе с мужем в её жизнь вошёл Лёха.

Лёха – любимый ученик её свекрови и принят в их доме, как родной. Живёт деятельный Лёха с Наташкой, у которой есть ребёнок от первого брака с мужем-наркоманом. Чтобы содержать семью, энергичный Лёха пошёл в бизнес. Мама Игоря говорит, что лёгкие деньги его затягивают, и наука его потеряет.

Деньги на аренду самой первой квартиры Лене с Игорем дал предприимчивый Лёха. Игорь потом хотел тоже, как

друг, работать и учиться, но его бабушка сказала, что будет давать ему столько, сколько он заработал бы, – лишь бы Игорь доучился как следует.

Игорь весёлый и добрый, но чуточку безвольный. Или не чуточку.

Пока Лена с Игорем отдавали династические долги, Лёха с Наташкой отдавали долги банковские, на развитие бизнеса. Для Наташки её оборотистый муж – свет в оконце убогой дозамужней жизни. Она из провинции, где живут её бюджетные родственники: мать-одиночка, больная бабка и дед-алкоголик.

– Она Лёхина верная скво, – подводит черту Лена. – Но на её месте должна быть я.

Муж ничего не знает. Роман с Лёхой она начала на праздновании дня рождения Наташи в ресторане, который та особенно любит.

– С особым цинизмом, – невесело констатирует Лена.

Она спрашивает меня, что ей делать. Тайным отношениям полгода. Она не может без перспективного Лёхи, а чудесный Лёха не может предать Наташу и её ребёнка. Верный друг, заботливый родитель и неверный супруг. Три – в одном. На флаконе наклейка – «Кобель».

Она злится. Я думаю. Для начала рассказываю ей про женщину-Приз, женщину-Воина, женщину-Хозяйку и женщину-Музу и спрашиваю, кто в каком амплуа чаще всего бывает?

– Наташка типичная Хозяйка, – рассуждает Лена, – а я, наверное, Воин. Боец даже. Игорь – мужчина-Приз. Профессорский сын и внук, многообещающий научный сотрудник. Лёха-Авантюрист, с ним никогда не знаешь, что ему в голову придёт.

– Может такое быть, что Лёха олицетворяет собой то, что вы самой себе запрещаете, оттого так сильно и тянет к нему? Ваша собственная авантюризм, где её место в вашей жизни?

– Ну вы даёте, – не соглашается она. – Да весь мой роман с Лёхой – одна большая авантюра. У нас в семье никто не изменял, ни в моей, ни в Игоря. Все порядочные.

– Тогда предположу, что вашему Воину недостаточно завоёванного в юности трофея в виде профессорского внука. Ему нужен новый приз, успешный бизнесмен. А Лёха безотчётно понимает, что его завоюют и поставят на полку, как заслуженную добычу, а потом потеряют к нему интерес. И упирается, не соглашается на бессознательно предложенную взаимодополнительную роль. Оттого роман и не развивается в новые семейные отношения с вами.

Она сужает глаза и бросает на меня острый взгляд.

Физически не отодвигается, но можно почувствовать, как внутри захлопываются створки и она загораживается. Копьё и щит. Не понравилось то, что другие увидели то, что воин Лена не собиралась мне показывать.

– Спасибо за консультацию. Я подумаю над вашими сло-

вами.

Голос звучит уверенно, энергично. Она знает, что будет делать. Собралась внутренне. Уже хлеб.

«Причину развода я так и не понял», – скажет мне потом в разговоре по Скайпу Игорь.

У его бывшей жены сейчас отношения с мужчиной из мира большого бизнеса, и это не Лёха. Супруги расстались друзьями, но он подзастрял эмоционально в вязком «За что она так со мной?!», и теперь уже бывшая жена по-дружески дала ему мой контакт.

«Лена сказала, что вы очень хороший психолог».

Маленький мальчик с большими деньгами

Никите 19, и у него есть своя коллекция Мерседесов. Купил пять авто ребёнку, конечно же, папа.

Насте 20, и у её папы яхта выше классом, чем у Никитино.

За плечами у каждого годы жизни вдали от семьи, в престижных западноевропейских интернатах, отличные спортивные достижения и ноль психологического бэкграунда.

Она призналась ему в любви на третий месяц знакомства. Он послал ей эмодзи в WhatsApp. Ни слова в ответ.

Им трудно.

Никита статный, красивый, спортивный парень с прекрасным управленческим будущим в бизнесе отца-олигарха. Девушек он называет «тёлками» и даже записывать их имена в телефон перестал.

Настя всё знает про девочек, которые вокруг него выются. У неё самой небедный папа, и дружит она с ребятами из «семей с деньгами». По-русски – семей с многомиллионным состоянием. Их поколение – социальный лифт, на котором многие хотят покататься.

Настя модная, с выразительной внешностью, в отличной фитнес-форме девушка, работает в хорошей фирме на начинающей позиции (папина идея).

Никита не знает, как её вернуть.

Три месяца спустя после расставания по WhatsApp он снова попросился к ней в друзья в социальных сетях и подписался на её Инстаграм. Она не ответила.

...Мы сидим в лобби средиземноморского отеля, куда я приехала по делам. «Скажите мне, как психолог,» – заводит он разговор на волнующую его тему.

У него все атрибуты успешного, состоявшегося в жизни мужчины и эмоциональная жизнь третьеклассника: классно погуляли с пацанами во дворе (в отпуске в другой стране), покатались на крутых аттракционах в парке (на Геликах по проспектам), поиграли в новую компьютерную игрушку полдня (это, скорее, про девушек).

Он, похоже, подкарауливал возможность поговорить со мной без свидетелей. Показывает Настин Инстаграм и предлагает проанализировать фотографии профессиональным взглядом.

– Зачем? – не понимаю я.

– Вы психолог, можете вычислить человека и сказать, что ей написать, чтобы она меня для начала снова добавила.

Любопытство берёт верх, и я разглядываю Инстаграм Насти. Никита не единственный в их поколении, кто верит в кнопки, которые можно нажать, чтобы другой человек сделал то, что ты хочешь.

– Как вариант – сесть в машину времени, вернуться в день, когда она искренне тебе написала, и так же искрен-

не ей ответить, дружеские у тебя к ней чувства, симпатия или что-то большее на сердце. Желательно лицом к лицу, а не по телефону.

– Отбросим этот вариант, машины времени у меня нет. Что надо делать?

«Писать письмо Деду Морозу, с просьбой устроить вам случайную встречу, и учить наизусть стихотворение», – тянет меня сказать.

Но говорю я ему, конечно, совсем другое.

Капкан

После развода он увёз мальчика за несколько тысяч километров от неё. «Тебе дочь, мне сын». У неё не было ни его денег, ни его связей.

Она переехала в город, где её никто не знал, и стала пытаться жить без знания о том, что у неё есть не только дочь. Бывший муж присылал крупную сумму денег алиментов на девочку, оплачивал отпуск в Европе, куда привозил мальчика с ней повидаться. Со временем согласился на то, чтобы сын иногда разговаривал с ней по Скайпу.

Рядом с бывшим давно жила другая (бездетная) женщина, она мальчика любила и хорошо к нему относилась. Она видела её на фотографиях в социальных сетях. Сын её помнил, русский язык вдали от России сохранил. Первый звонок раздался ещё до школы, когда ей в WhatsApp написал детский тренер.

– Ваш ребёнок говорит всем о том, что у него две мамы. Я посчитал бы это детской выдумкой, но поверьте, мэм, у меня огромный опыт с детьми, и я вижу, что мальчик как-то по-особому в этом убеждён. Я вынужден был вмешаться в его конфликт с другими детьми, которые настаивали, что двух мам не бывает. Наблюдаете ли вы дома подобное поведение?

Она что-то ответила, плохо помнит что. Неожиданно пошатнулось здоровье, и она боролась за то, чтобы сохранить

свою прежнюю жизнь.

Второй звонок прозвенел, когда мальчик пошёл в школу. Её спрашивали, почему она не пришла на детский праздник.

Третьей позвонила школьный консультант. Она настойчиво рекомендовала обследовать ребёнка у детского психиатра и пространно рассуждала о том, что у детей бывает выдуманный друг, это проходит с возрастом, но возможно, скрытое эмоциональное неблагополучие ребёнка проявляется именно такими шокирующими его одноклассников заявлениями.

Она написала бывшему, чтобы спросить, что с ребёнком. Он сослался на дела, и не ответил. Школа обратилась к властям.

С представителями полиции разговаривала его новая жена. Нет, ребёнок не похищен. Нет, соглашения о порядке места жительства ребёнка и свиданий с матерью не подписывали. Нет, с матерью ребёнок видится раз в год в Европе. Нет, согласие на обследование ребёнка у психиатра у неё нет полномочий подписывать, только у отца.

Через месяц ей позвонил заграничный адвокат бывшего мужа с предложением подписать соглашение, как можно быстрее. Срочно!! Бывший муж написал ей, что все расходы берёт на себя и прилетит в её страну вместе с мальчиком.

Она пошла к местному адвокату, чтобы подписать нужные бумаги. Дока в международных делах о похищении детей, местный был знатоком родительского неадеквата.

– Ты сейчас отдыхаешь за границей или в стране? – набрал

меня дока по телефону.

– В стране.

– Прости, что всё срочно, мне нужно, чтобы ты взялась за этот случай. Привезут ребёнка, у которого не было отношений с матерью большую часть его жизни, почти пять лет. Нужен твой опыт, установить с ним bonding. Заокеанская судья обязала местные власти проследить, что бондинг состоялся и написать отчёт, как там благо ребёнка. Местные дали две недели, чтобы выполнить.

Bonding – английское слово, означает a process of forming strong attachments or close relationships with a significant other, процесс установления сильной привязанности или тесных отношений со значимым другим.

Угроза уголовного дела за киднэппинг – похищение мальчика (20 лет тюрьмы), или за эмоциональный абьюз (изоляция от матери), с фактами, которые невозможно отрицать – мать в другой стране, означала судимость. Судимость прекращала вид на жительство в благополучной стране, где обосновался отец, процесс гражданства-легализации и многое другое. Поэтому он разыскал её, чтобы предъявить властям соглашение о судьбе ребёнка, улаженное по согласию сторон. Без преступления.

Загранпаспорт ребёнка по решению заграничного суда изъяла полиция.

Мать хотела восстановить отношения с сыном и изъявила в местном суде желание сотрудничать.

Ребёнка в сопровождении полиции привезли в страну.

Отец принял условие, чтобы это делали не в центре оптимизации детско-родительских отношений государственные служащие, а частным образом оплачиваемая психолог-специалист, предложенная адвокатом матери.

Местный суд своим решением одобрил мою русскоговорящую кандидатуру.

За три дня до встречи с ребёнком мать позвонила мне и сказала, что отменяет бондинг, она не выдержит.

Я знала, почему она это говорит.

Ей выпала доля жить замужем за человеком типа «что хочу, то и ворочу». Однажды он захотел стереть мать резинкой из жизни сына – и стёр. Она знала, что ребёнка сводят с ума, намеренно обманывая его, что у него теперь другая мама. Сын был слишком мал, чтобы открыто заявить отцу, что тот – врёт.

Дети смеялись над ним и говорили, что так не бывает, чтобы тебя родили две мамы. И она ничем, ничем не могла своему мальчику помочь.

Рискуя потерять с ним связь навсегда, мать дала ребёнку свой WhatsApp тайком от отца и научила ребёнка сказать его в школе. Это сработало, социум узнал о том, что с ней и её ребёнком сделали.

Она знала, что мальчик бьётся как умеет за свою, внутреннюю правду. Год за годом. И знала, что сама – давно сдалась. Как волчица, попавшая в капкан, она была в тисках ду-

шевной боли. Её сердце не выдержало тоски, она заболела. Чтобы остаться в живых, мать убедила себя, что надо жить дальше – как будто у неё не было и нет сына. Нет надежды.

Есть такое выражение, «эмоциональный выплеск». Сильные эмоции, которые достигают пиковых значений и искажают мышление. Иногда человек «замораживает» их в себе, чтобы выжить здесь и сейчас. Если их разморозить, можно не выдержать.

Именно с надеждой власти к ней и пришли.

Бондинг мы, конечно, киндеру установили. И с родной мамой, и с родной сестрой. Адвокат был прав: когда у тебя только одна попытка, всё решает умение и опыт.

Мама выдержала, потому что я сказала ей: Да, ты попала в капкан. Да, тебе пришлось отгрызть собственную лапу и ковылять на трёх оставшихся. Да, ты вырвала сына из своего сердца, чтобы не умереть от боли бессилия помочь ему. Да, твоё чувство вины за то, что ты лишила мальчика своего сердца, это часть тебя. Я вижу твоё отчаяние, и это правда о тебе. Но ради будущего, ради себя и детей, – просто переставляй ноги, ты нужна мне на этих сессиях. Всё остальное сделает сценарий встречи. А он никогда не подводил.

И она пришла.

Партнёр-присоска

В школе Ронка училась не очень. Зато она была отличная пловчиха и рано начала выигрывать соревнования: городские, областные, республиканские. Оценки ей ставили какие надо, конечно, но в старшие классы не взяли – отправили в училище.

На очередных сборах тренер поговорила с ней о перспективах. Международные квалификации выигрывали другие спортсменки, более талантливые. Звучали слова про потолок возможностей, профессию, которая будет кормить, и необходимость устраивать личную жизнь.

Родители привыкли, что она приносит в дом хорошую спортивную стипендию и премиальные, и планы тренера восприняли в штыки. Учиться Ронка пошла на фармацевта. В училище она попробовала выехать на былой славе, но её быстро поставили на место: или знаешь дело, или давай, до свидания. Так безнадёжно ей было только раз в жизни, когда на соревнованиях в другом городе из-за накладок организаторов их пять дней не кормили. Ходили воровали еду в магазинах и на рынке, вместе с ребятами, так и продержались.

Ребята-спортсмены помогли и на этот раз. Друзья по сборной на каникулах познакомили её с новой компанией, коммерсов. Глаз на Серёгу она положила сразу. В прошлом сам-

бист. Три своих магазина на рынке, своя дорогая машина, евроремонт в квартире, ездит за границу не по разу в год.

– Ронка, – представили её.

– Ника, – поправила она. – Моё полное имя Вероника, но можно просто Ника.

– Богиня победы, – улыбнулся тот.

Ронка потупилась в смущении.

Через три месяца они легли в одну постель.

Учёбу она дотянула. Работать за копейки не хотелось, но белый крахмаленный халатик ей нравился, а Серёге тем более. С любимым его мнением она заранее была согласна. Любой выбор, что он сделал, ей однозначно нравился.

– А что твоя Ника сама об этом думает? – спрашивала Серёгу его главбух.

Продавщицы в Серёгиных магазинах, которые сами имели на него виды, не верили в её искренние чувства, за глаза называли «присоской» и «прилипалой» и гадали, сколько он с ней выдержит.

Они прожили вместе семь лет.

Он был ей как тренер, который всё решает за неё и организует каждую минуту жизни. Дальше по жизни он пошёл вместе с главбухом. После расставания она осталась при своей однокомнатной квартире, без понятия, куда жить дальше. Старые друзья по сборной замуж больше не предлагали, звали в криминальную схему с веществами и предлагали пойти получать высшее образование. Что лучше, она пока не ре-

шила.

Накатила жуть

Враг человеческий надоумил соседей Кубрикова делать ремонт. Звуки перфоратора терзали его слух в утреннее и вечернее время на протяжении полугода и превратили в неврастеника.

Это была не первая долбёжка, а Стэнликовы не первыми соседями, кто затевает отбивать старую плитку, крепить с полу направляющие для стяжки, натягивать потолки и устанавливать пластиковые окна.

И не первый раз, когда на работе обходят повышением и отказывают в просьбе повысить зарплату.

И не первое расставание с женщиной, когда бессмысленные, исчерпавшие себя отношения, сходят на нет.

И не первая поломка машины, когда надо было выгрести из заначки деньги и нести их в автосервис.

И не первое лето в городе, без отпуска.

Но в то лето у Кубрикова, который мучился над завтраком под глухие вибрирующие ддзззз, ддзззз, ддзззз за стеной, вдобавок ко всем этим неприятностям неожиданно откололся кусочек зуба.

И мир внутри него дрогнул.

Кубриков приехал на работу, услышал офисный грохот и почувствовал, как в голове всё плывёт, слабеют руки и ноги, подступает тошнота и ему не хватает воздуха для дыха-

ния. Хотелось куда-то убежать и не было никаких физических сил на то, чтобы это сделать. Сердце зачастило, накатила жуть.

Коллеги продолжали заниматься своими делами, не обращая внимания на то, как ему плохо.

– Помогите! – хотел позвать на помощь Кубриков и не смог.

Воздух сгустился, реальность вокруг изменила очертания. Он слышал расстрельные очереди ударов по клавиатуре, разрывы снарядов на проезжей части от газующих грузовиков, бомбовые удары хлопающих тяжёлых дверей внизу, лязгающую неизбежность подъёмника в лифтовой шахте и кондиционер, овевающий его волной воздуха на бреющем полёте.

– Привет, ты можешь говорить? – спросил меня по телефону врач-психиатр.

– Могу.

– Слушай, тут такой хороший мальчик на приёме, он сейчас напротив меня сидит. Паническая атака, вызвали скорую ему, врачи отправили домой из приёмного покоя, он им на выходе из больницы сильную реакцию дал. Побеседовал с ним, домой не хочет ни в какую. Я тебе его на такси пришлю, согласишься его?

– Пусть подъезжает, посмотрю.

Мальчику оказалось за тридцать.

Он сидел на первичном приёме, загруженный успокои-

тельными. В глазах агрессия и отчаяние. В теле слабость.

– Нет сил говорить? – догадалась я.

Он кивнул.

– Чувство юмора покинуло и отказывается возвращаться?

Кивки.

– Убежище, где можно пожить в тишине, уже испробовано?

– Ночевал два дня у родителей, только хуже.

В психотерапию он не верил.

Класть в больницу не было оснований.

Сбежать от себя ему было некуда.

Беседа угасла.

Я умею работать с гневом на тех, от кого зависишь и знаю, как в психотерапии придти к выздоровлению от панических атак. Я чувствую, как человеку плохо. Я могу дать имя тому, что безотчётно гложет. Я была бесполезна для него. Он сидел сжавшийся, угловато-напряжённый, с кривящимися губами, не имеющий сил на слезинку, не то что говорить.

Я взяла ручку и написала на листе:

Первый нужный вам телефон (цифры)

Это массажист, которая работает с детьми-аутистами. Особое касание, она это умеет.

Второй нужный вам телефон (цифры)

Это реабилитолог, восстанавливает людей после аварий, баюкает в тёплой воде, специальная техника расслабляющая. В бассейн надо ездить, там нужный подогрев.

Больничный на две недели врач дал?

Он кивнул.

Значит, каждый день на процедуры к одной и к другому. Ночевать у родителей, разговаривать с ними по-минимуму.

– Вы странная, – не удержался Кубриков.

– Вам несколько месяцев подряд не дают замкнуться в себе, – объяснила ему я. Это причина, остальное – следствие. Душе нужно пространство, где она делает то, что хочет. А вас задёргали, довели. Это поправимо. Принимайте сеансы, возвращайтесь в себя. Как восстановитесь, подумаем, как больше в такие передряги не попадать.

Мой телефон психотерапевта (номер).

Дзиньк!

– Видел Кубрикова, у него всё хорошо, – написал в вцапе психиатр.

– Злюсь на тебя из-за него. В предпсихотическом состоянии больше не присылай без предупреждения.

– Не мог при нём сказать, извини. Ты в порядке?

Смайл!

Чай втроём

Имя у неё было редкое, – Лина, потому что мама назвала её Ангелиной. Характер закалился в математических олимпиадах: доказывать парням, что она не глупее их, она умела. Женские формы были во всех отношениях выдающимися, – Линка иронично называла свою грудь «бабушкин балкон», намекая на ту, в кого уродилась. Зеркало в прихожей охотно напоминало ей, что у неё чудесные голубые глаза и непоправимо высокий рост.

Двадцать два года у Линки не было своего парня. Она была на голову выше всех парней на своём курсе, без каблуков.

Имя у него было редкое, – Вадим, но все друзья звали его Заяц. Просто потому что он был Зайцев. Характер у него был компанейский: лёгкий на подъём, свойский, обходительный, он ещё во время учёбы в университете начал работать репортёром. Любая девчонка на курсе сказала бы вам, что Заяц классный. Линка любила его безответно.

Принципиальная начальница на первой работе познакомила её со своим сыном. Тоже программистом. Ростом выше Линки на полголовы.

Так рядом с ней оказался Славик.

Через год они поженились. Через пять – выплатили квартиру. Через семь – няня водила в детский сад двоих детей. Через десять любовь её юности, Заяц, брал интервью у Лин-

киного босса на работе, и она первый раз получила приглашение пойти куда-нибудь вместе.

– Ты такая ослепительно красивая всегда была, я боялся к тебе подойти! – признавался ей потрёпанный жизнью Заяц за стойкой в баре.

– А я влюблена в тебя была, мечтала целоваться с тобой. Только теперь я замужем.

– У меня дочка от первой жены, разбежались через полгода, она второй раз замуж неплохо так вышла, устроена в жизни почище меня, – молот языком Заяц. – А у тебя, я смотрю, всё хорошо.

– Да, хорошо, – твёрдо сказала Лина.

Пришла из бара домой и объявила свекрови, что она хочет жить и работать подальше от Москвы. Лучше в Лондоне. Свекровь посмотрела в её полные решимости глаза и взялась за Славика, чтобы первым прошёл интервью и устроился на новом месте.

Чтобы не сойти с ума от невостребованности в чужой стране, Линка родила мужу третьего ребёнка. Славик увлёкся велосипедом, отпуск напролёт гонял с детьми по Европе. Совместный супружеский отпуск у них много лет как-то не вытанцовывался.

Следующее десятилетие дети росли и радовали, а Линка чахла. Суховатая свекровь унаследовала московскую квартиру и оформила на Линку дарственную.

– Я знаю, что ты его никогда не любила, Лина. Но не бро-

сай Славика, молю тебя. Это мой единственный сын.

Средняя дочка, собираясь поступать в университет, написала в сочинении: «В нашей семье ни у кого никогда не возникало сомнений, кто чей любимчик. Бабушка обожала театральные таланты старшей сестры, с мамой на одной волне всегда была я, – мы обе любим читать и пишем прозу, – а папа вложил душу в музыкально одарённого младшего брата. Чай втроём, вместе с мамой и бабушкой, – моя любимая семейная традиция».

– В твои годы я не представляла жизни без кофе, – вскользь заметила Лина, когда это прочла.

И что-то далёкое промелькнуло в её взгляде, чего любимая дочка не поняла.

Командировка в Италию

Мамсикова неожиданно вызвали к декану.

– Поедешь на международную конференцию и будешь помогать!

За столом сидели выезжающие в заграничную командировку. Длинный как жердь и исхудавший от ночных бдений над проектом аспирант Надеждин покивал Мамсикову головой. Вальяжная аспирантка Гламурцева нацелила на него изучающий взгляд, не переставая поддакивать наставлениям завкафедрой:

– Аспиранты и студенты – одна команда! Старшекурсники должны набираться опыта! Проектно-командный метод – будущее нашей науки!

Когда вся команда загрузилась в самолёт, выяснилось, что ректор, жена ректора, сестра ректора и дочь ректора будут всё время заняты на осмотре местных достопримечательностей, завкафедрой председательствует на заседании, Надеждин делает стендовый доклад, Гламурцева фотографирует стенд и докладывает завкафедрой обстановку, а Мамсиков помогает носить чемоданы, проверяет электронную почту и сразу говорит, если пришли новые мэйлы.

Оргкомитет встречал участников с табличками в аэропорту, привозил автобусами и селил в пятизвёздочный отель.

Надеждин трясся всю дорогу, сжимая в руках тубус

со свёрнутым в трубку ватманским листом, зубрил свой доклад на английском, полночи репетировал ответы на возможные вопросы, не смог заставить себя выйти к общему завтраку и в итоге потерялся по пути с регистрации участников на заседание секции.

Гламурцева проявила деловую хватку и приставила Мамсикова к нему и стенду, охранять Надеждина от его собственных заскоков.

Вечером первого дня был лёгкий ужин для знакомства участников, приветственные речи организаторов, много вина и мало закуски.

На второй день за едой рассаживались уже не по делегациям, а по симпатиям. Выяснилось, что все нормальные люди привезли с собой горы сувениров и обменивались и памятным мелочами с новыми знакомыми. Гламурцева доставала из модной сумки мини-матрёшек, китайцы красные вымпелы с иероглифами пожелания счастья, македонцы стопки с национальным узором, чехи открытки Праги.

Мамсиков вовремя заметил надвигающийся фэйл, спустился в сад при отеле, нарвал мелких веточек кипариса, попросил в магазине подарков три метра ленточки, навязал из веточек небольших пучков, как из дачной петрушки, и, дружелюбно улыбаясь, обменивался ими, пока Надеждин не сказал ему, что кипарис символ траура и используется в погребальных обрядах.

Гламурцева одобрила идею в принципе, сказала заменить

кипарис миртом, а голубую ленточку на жёлтую, купила в баре миртовый ликёр и вечером второго дня приглашала всех на афтерпати в её номере, выпить за бодрость духа и жизнь.

Выяснилось, что все опытные участники привезли с собой мешки шоколада и национальных деликатесов, которые надо попробовать. Гламурцева доставала из холодильника икру, разогревала в микроволновке блины и гоняла Мамсикова за дополнительными бокалами в номера, чтобы все попробовали ликёр.

Надеждин пришёл с пустыми руками. Мамсиков на последние купил в кафетерии отеля огромную тарелку с разными видами сыра, и брался с новыми товарищами.

На третий день к завтраку мало кто вышел, половина поехала гулять по городу, и только самые стойкие дослушали доклады на секциях до конца. Вечером сдавали ключи и делились впечатлениями у стойки регистрации, скидывая друг другу фотки и добавляясь друг к другу в Фейсбуке.

По итогам конференции всем вынесли благодарность. Гламурцева укрепила международные связи, – на факультет пришли сразу 50 писем от новых коллег из-за границы. Завкафедрой укрепил престиж – был выдвинут в председатели секции на следующий год. Ректор укрепил позиции альма матер и договорился о программе обмена студентами.

Надеждина похвалили, что хорошо выступил и пожурили за то, что завязал мало контактов.

Мамсикову поручили рассказать младшекурсникам, ка-

кие интересные доклады он выслушал и о каких разработках три дня рассказывали 500 участников международной конференции.

Вообще-то Мамсиков учил немецкий, и ничего из докладов на английском не понял, но Надеждин выручил и рассказал младшекурсникам за него.

Счастье

Познакомились они в общей компании. Она была очень удачно, к лицу, одета, а он был в хорошем расположении духа и шутил. Через три месяца он сделал ей предложение. Они полетели знакомиться с её родителями в другой город.

Родители были своеобразные, военно-командного типа, но по молодости лет он не придал этому значения. Она была в самом низу семейной пирамиды, «под» мамой, а мама «под» папой. Ему она втайне готовила роль рычага, который всё перевернёт и поставит её «над» мамой. Внешность и доходы у жениха были соответствующие, а вот с характером она просчиталась.

Его мама и папа были радушные, душевные люди, и привили ему внимательность к близким. «Ты огорчена чем-то?», «Ты грустишь сегодня», «Как ты себя чувствуешь, отдохнула после вчерашнего трудного дня?» – постоянно спрашивал он, но она не видела в этом ни чувствительности, ни заботы. Только заискивание перед ней и слабость, мерзкую слабость.

Она потребовала от него купить ещё одну квартиру, он заработал и купил.

Он втайне мечтал о ребёнке, и попросил поехать отдохнуть надолго вдвоём, на месяц, признался, что соскучился по ней за время, что пахал на двух работах. «Нормальный мужик потребовал бы, а не попросил», – с презрением ду-

мала она.

Ребёнка не получилось.

Они стали часто ссориться. Он страдал, не мог выносить раздора, всегда просил прощения первым. «Что мне ещё сделать? На колени встать перед тобой?!» – умолял он.

Она ненавидела его за мольбы и, чтобы спровоцировать на «мужское» поведение, стала реже с ним спать. Он стал просить нежнее, пытался создать ей настроение, – а она ждала приказа, требования, указания ей на её место в семье. «Под» ним.

Через пять лет после своего побега замуж она приползла к матери и попросила совета, что делать. Мать научила разделить счета и переводить на свой большую часть его доходов.

Она отделала квартиру, меблировала её по высшему классу, а потом уговорила его переехать и жить в старой, а новую за бешеные деньги сдавать. По договору, арендная плата должна была заходить на совместный счёт, но она поставила его перед фактом, что деньги от сдачи кладёт на свой, личный.

Он возмутился. Она устроила грандиозный скандал и отказала ему в близости совсем.

Она то мечтала, чтобы он уже быстрее изменил ей, чтобы выставить его из своей жизни, то боялась оказаться один на один необходимостью самой на всё зарабатывать.

Он попытался завести роман, но не смог приходить домой

и врать, смотреть в глаза. Закончилось всё на этапе флирта. За флирт в минуту откровенности он ей повинулся. Её чуть не стошнило прямо там же. Настоящий мужик, в её представлении, должен был всё отрицать.

Ничего хорошего она в нём не видела. В квартиры, ремонты и новые машины она уже наигралась. В путешествия с мамой тоже. Она стала интересоваться его карьерой и требовать, чтобы он рос по службе. В честь преодоления очередной ступеньки карьерной лестницы она с ним обязательно спала.

Он не мог без её тела.

Потом сильно сдал её отец, два инсульта подряд. Бабушка упала и сломала шейку бедра. Мать не тянула уход за обоими и попросила её переехать к ним.

В знакомом с детства городе и доме всё стало иначе. Родители поставили её «над» всеми. Теперь она была во главе семейной иерархии, она принимала решения – как и у кого наблюдать, что и когда оперировать, на что тратить деньги.

Он не понимал, почему её туда так тянет.

Она предложила ему поехать жить в родительском доме вместе с ней, насовсем. В конце концов, за долгие годы она смирилась с тем, что он ей во всём подчиняется и привыкла тратить заработанные им деньги.

Он отказался. С её солдафонской семьёй он давно не ладил, иерархические игры его отталкивали. Он мечтал поговорить с женой по душам, излить то, что тревожит, успоко-

иться рядом с ней.

Признания мужа в своих тревогах её раздражали. Забота о нём – выглаженная рубашка, приготовленный обед, убранный дом, – всегда были на уровне. Она считала себя образцовой женой, честно выполняющей свою часть супружеского договора.

На новом месте у неё было много дел. Чтобы как-то отвлечь её от семейного лазарета, двоюродный брат познакомил её со своим партнёром по бизнесу. Муж сказал бы про нового знакомого «хам» и «мужлан», а ей именно такой и нравился. Очень.

В нём было то, чего ей не хватало в мужчине, за которого она когда-то давно так стремительно вышла замуж. Деньги, власть, напор, и способность просто сказать: «Закрой рот, женщина. Приказывать здесь буду я». Она таяла от того, что её «ставят на место».

Рано или поздно случилось то, что должно было случиться, – она изменила мужу с другим. Пока она размышляла, что лучше – развестись или оставить всё как есть, муж подал исковое заявление в суд. У него, оказывается, была другая женщина.

Она задействовала сеть друзей, подруг и знакомых, и узнала её имя в Фейсбуке.

– Если долго не спать с мужем, можно увидеть, как он спит с другой, – не преминула заметить мать, разглядывая фотографии на экране. – Умеет давать, этим и взяла. Не расстра-

ивайся, у тебя тоже всё будет.

Развод стал для неё громом среди ясного неба. Она потребовала себе львиную долю совместно нажитого имущества. Он беспрекословно всё отдал. Имущество ему было не важно.

Впервые за много лет он был счастлив.

В новой жизни его понимали, жалели, что он пришёл усталый, ласково спрашивали, отчего он хмурится и бережно прижимали к мягкой груди, чтобы он успокоился и отвлёкся от невзгод. Любя.

20 лет без тебя

Когда Егору было шестнадцать и никто, даже Пушкин, не мог придумать, куда ему поступать, в их класс пришла новенькая.

Девочка, которую родителям-дипломатам пришлось срочно отправить к бабушке, потому что самим нужно надолго уезжать. А там, где у них командировка, посольской школы не было.

Нормальная девчонка, не задавалась. Любила историю и запоем читала книжки, давала слушать одноклассникам на кассетах *Dereche Mode* и с трудом тянула задания по физике и химии. Потом, когда они с одноклассниками её вспоминали, все девчонки признавались, что мечтали носить, как она, заграничные вещи. А все мальчишки вспоминали движения.

И ещё – её голос.

...Летом их поставили в пару, отрабатывать практику в школе. Они разговаривали, а потом он предложил пойти на дневной сеанс в кино. Шёл фильм «Офицер с розой», про войну. Югославский. Егор проводил её до подъезда. Потом его угнали помогать на дачу. А в сентябре классная сказала им, что её увезли с собой родители.

Он отучился на инженера, отработал, женился, родил двоих детей, ушёл в бизнес, увлёкся гонками на джипах

по бездорожью. Устроил бизнес, развёлся, оставил прибыльную фирму детям и бывшей жене, перспективные фирмы взял себе. Начал ходить в церковь.

На очередной встрече одноклассников Егор услышал, что у той девочки есть активный аккаунт, в соцсети. Поздно вечером вернулся домой, хорошо выпил и отправил в темноту интернета дурацкий вопрос:

– Ты меня помнишь? Я тебя так сильно любил. В детстве... А теперь уже давно не детство. И я двадцать лет без тебя.

Выбрал из стикеров самую красивую розу, дописал в сообщении, прежде чем закрыть:

– Ты очень красивая. Будь такой всегда. Ты девочка из моих снов. Что-то переключилось в душе, когда нашёл тебя на этой планете. Давай не теряться больше.

«Просмотрено», – сказала ему программа. «Печатает». Четыре слова.

– Ты помнишь югославский фильм?

Всё получится

На концерт во Дворце спорта она попала случайно, за компанию с девчонками по группе. Те отмечали окончание сессии в танцпартере под грохот мощной звукоаппаратуры. Сначала ей было не очень, а потом даже понравилось.

Он столкнулся с ней, когда толпа несла их из темноты, расцвеченной сценическим освещением, к выходу в фойе. Они даже сказали друг другу какую-то пару фраз. Что именно, он не помнил – это было «слишком сильное колдунство».

Проснулся он другим человеком. У него в жизни появилась практически невыполнимая миссия – найти незнакомку в миллионном городе. Когда все идеи были безрезультатно использованы, он просто стал приходить ко Дворцу спорта каждый вечер. Бродил и вспоминал волшебство, как она была рядом.

Она после сессии съездила на две недели на море. Потом пожила с родителями на даче. Потом поехала в город, жила неделю у папиной бабушки, отдраивала вместе с ней квартиру. Квартира была в девятиэтажке окнами на Дворец спорта. Вечерами вместе с ребятами со двора собирались на ступеньках спорткомплекса, на площади.

Она столкнулась с ним, когда шла в темноте домой, к освещённому подъезду. Он не придумал, как её окликнуть и что ей сказать.

Всё лето он каждый вечер ходил по аллеям вокруг Дворца, в напрасной надежде не протормозить в следующий раз и познакомиться с ней.

Потом они оказались на студенческой свадьбе в общей университетской компании, и она разрешила ему проводить её до дома.

– И всё? – разочарованно спросила его дочь, пятнадцатилетняя девица, которой надоело сидеть на переднем сиденье авто и созерцать ступеньки допотопного спортивного сооружения. – Но всё равно, хорошо, что ты её всё-таки запривадил.

– И всё, – кивнул он. – После университета мы с твоей мамой поженились, потом родились ты и твоя сестра.

– Ходить по городу после концерта – так себе варик. Я бы не стала го такой квест. А почему ты не нашёл её Вконтакте? Или она могла зачекиниться на Фейсбуке, что была на том концерте, ты бы по фоткам её вычислил и потом через FindFace нашёл бы акк, – рассуждала она, пока он трогал машину с места. – Па, а зачем мы сюда приезжали?

– Сказать себе, что всё получится. Даже невозможное.

Перфекционистка

Её заклятый враг – это её богатое воображение. Любое дело, которое она начинает в реальной жизни, воображение тут же отбирает себе, моментально расцвечивает дивными красками, украшает изящными деталями, подаёт в самом лучшем свете и утверждает как план действий.

Она не умеет обуздывать его буйства. Вместо этого она пытается выполнить то, что надо сделать, на 100% правильно и хорошо. Так, как задумало воображение. Нужными оттенками цвета. С точным соблюдением пропорций каждой детали. Доведя проект до конца, не смея показать никому, пока не будет найден самый впечатляющий ракурс. Иначе – стыд, позор и критика. Которая её убивает.

Она не умеет с ним договариваться. В былые времена чувство реальности приходило ей на выручку и показывало воображению, что можно воплотить – а что не выйдет. Когда-то чувство меры помогало ей на переговорах с воображением и аргументировало, что имеет смысл отшлифовать до совершенства, а что достаточно выполнить в первом приближении. Но она потеряла своих союзников, и осталась один на один с мощным врагом.

Она мечтает, чтобы всё закончилось. Мечтает ничего не хотеть. Её богатое воображение крадётся к новому материалу, чтобы прыгнуть! Ты не просто ничтожество, а гран-

диозное ничтожество. У тебя не просто неудачный вариант, а эпический по своим масштабам провал. Что бы ты ни сделала, это будет катастрофа – потому что вообще никто не обратит внимания на твои потуги. Ни один человек. Кому бы ты ни доверилась в своём желании сделать это вместе – боль предательства будет невыносимой, потому что он украдёт твою идею, выдаст за свой успех твоё достижение, и ты никогда не сможешь доказать, что имела отношение к данному проекту.

Она устала бороться. Она не делает ничего. Она отдыхает, когда погружается в numbing – эмоциональное оупение. Ты победило, воображение. Я ничего не хочу. Разве что поесть. И денег.

Деньги на врачей ей дала мама. Первый терапевт – врач-психиатр по образованию, когнитивно-поведенческая психотерапевтическая подготовка, – поставил ей диагноз синдрома дефицита внимания без гиперактивности и депрессию. Лекарственную схему меняли три раза, особого результата терапия не давала. Когда она сказала ему, что не хочет жить, он добавил диагноз «эмоционального неустойчивого расстройства личности». Она почитала, что пишут про пограничных пациентов и бросила врача.

Второй психотерапевт – врач-психиатр по образованию, старая школа, – нашёл лекарственную схему, которая убрала мрачный взгляд на мир и посоветовал ей оформлять инвалидность по психиатрическому профилю. Всё равно не учит-

ся и не работает, семье будет проще. Она сбежала от него и отправилась на консультацию к третьему эскулапу.

Третий психотерапевт – врач-психиатр по образованию, старая школа, – унизил её тем, что сказал ей, что она истеричка и ей нужен хороший любовник. Он же добавил к лекарственной схеме второго врача успокоительное и дал ей телефон психолога. На психолога она согласилась от отчаяния, как соглашались на бабок-гадалок и прочих шарлатанов.

Психологом была я. Сначала мы познакомились и договорились, что попробуем за десять встреч изменить к лучшему хоть что-то. Если ничего не поменяется – значит, я не ваш терапевт, не будем обманывать друг друга.

Её сильной стороной была честность – она рассказала мне о своём опыте с психиатрами. Врачи видели дефициты внимания, социальной адаптации, телесных практик – половина работы уже была сделана до меня.

Для начала я рассказала ей про дисфункциональный круг совладания и подарила браслет, где были восемь разных пуговиц на одной верёвочке – по числу остановок в этом кругу, который мы разбирали. Она получила задание носить его в сумке и доставать, когда «залипает» в грёзах. Тактильно ощущать в руке и думать о себе, – какая именно эмоция сейчас нахлынула и льёт воду на мельницу работающего на высоких оборотах воображения.

Потом она получила задание записывать в течение неде-

ли все дела, которые долги, не доделаны, надо сделать, хотела бы сделать – и всю сессию занимались сортировкой этих дел. Я была её чувством меры, «подключенным извне девайсом» для неработающей (почему-то, сейчас не было времени раскапывать причины, почему) способности отделять главное от второстепенного. После того, как гора дел была разложена на Важные, неважные, Срочные, не срочные, Навязанные извне, Задуманные мной самой, я предложила ей попробовать месяц жить по новому алгоритму: разделить световой день на три части и делать в одну часть дня одно дело. Любое. По принципу «сразу». Если нет идеи, что делать – тащить записку с записанным делом из прозрачного пакета-файла, где они все, и делать в случайном порядке. Главное, что нужно было – хвалить себя за то, что его сделал.

Делать в случайном порядке ей не хотелось, и приоритет нашёлся сам собой. Деньги. Она нашла работу рядом с домом на несколько дней в неделю, в кафе.

Я искала источник мощи её воображения. Из всех телесных активностей она больше всего любила плавание и йогу – я попросила её возобновить любую из этих практик. Мне нужно было вернуть баланс в систему её желаний, распределить жизненные силы так, чтобы воображение перестало одуревать от избытка направленной на него энергии.

Как только она стала выходить из дома каждый день, чтобы работать или заниматься спортом, как только она стала получать удовольствие от того, что у неё есть свои деньги,

свободный график, чувство ясности в жизни (сделать три дела и похвалить себя за каждое) без опасений и страха, желание жить – её мама заявила ей, что не видит, что психотерапия ей не помогает, и отказалась платить.

Она нашла другую, более высокооплачиваемую работу, и стала платить за свою психотерапию сама. Уже долгосрочную, а не краткосрочную. И говорила со мной-психотерапевтом уже о другом – об отношениях с матерью и отцом, о том, как ревниво относились к её успехам в семье, о духе соперничества, который не могли укрощать её близкие.

Про их желание триумфа «я делаю это лучше тебя!» в совершенно неадекватном состязании взрослого с ребёнком. И про тайное желание однажды всё-таки победить родителей. И про страх возмездия с их стороны, за такую победу. И про то, почему так пугает любовь и отношения с другими – тот, кто любит, начнёт с тобой соревноваться и будет делать всё, чтобы у тебя выиграть и выставить тебя слабым, никчёмным, бесполезным.

Потом она перешла на третью, хорошо оплачиваемую и престижную работу, и переехала на съёмную квартиру. Первые слова, которые сказала мама, когда зашла в дом, где она своими руками сделала ремонт (три дела в сутки, не больше, и хвалить себя за каждое) вечерами после ежедневной работы, были:

– Не жалуйся, когда мы с папой переезжали, я уставала больше тебя. А эта дверь покрашена абы-как. Я аккурат-

ней бы покрасила.

И эти слова её не ранили и не убили, как раньше. Они её развеселили, «мама не меняется». Она перестала быть пленником своего детства и начала жить.

– Продукты в холодильнике, стготовь нам ужин, пока я тут домываю, – попросила она маму. И добавила про себя:

– Займись делом.

Вазы в её доме

Когда Костя начал встречаться с Дашей, им было по восемнадцать, и компьютерные игры интересовали его гораздо больше цветов. Бабушка Даши была выдающаяся женщина, известный человек в их городе, и в её огромной квартире ходили хороводом многочисленные друзья.

В бабушкиной квартире Костя насчитал пятьдесят ваз для цветов. Не десять, не двадцать, а пятьдесят, Карл!

– Зачем ей столько? – спросил он Дашу, когда вышел от гостеприимной бабули первый раз.

– Она тридцать лет преподавала в вузе, ей цветы всю жизнь дарят, – отмахнулась Даша. – Надо же их куда-то ставить.

На юбилей бабули Костя увидел, как это бывает, – когда у тебя в доме не осталось ни одной свободной вазы, букеты на всех столах, в каждой комнате на полу, и розы в ванной – потому что их некуда ставить. Люди старой закалки сказали бы, что этот визит стал для Кости эстетическим потрясением. Никогда прежде он такого не видел.

В доме Дашиных родителей ваз было две. Одна, подаренная на 15-летие отдела отцу, и одна, подаренная на 25-летие отдела теми же сотрудниками там же.

– Это вам, – подарил Костя букет будущей теще.

– Спасибо, – приняла она цветы и привычным движени-

ем передала их мужу, чтобы поставил куда-нибудь. Любовно подрезать их, подбирать к букету подходящую вазу и тем более украшать ими дом, у неё не было ни малейшего желания.

Костя был воспитан в правильных традициях и цветы на памятные даты обязательно дарил. Как будет у них с Дашей в семье, он не задумывался. Ему казалось, что все женщины одинаково это делают.

Он ошибался.

На третьем году их брака Дашино невнимание к его цветам стало Костю раздражать. На пятом – он перестал терпеть и начал высказывать ей претензии за это. На седьмом они пришли к психологу, чтобы спасти брак ради детей.

Для Даши выполнять прихоть с вазами и танцевать с бубном вокруг подаренных цветов означало «прогибаться» под Костину идеологию.

Для Кости невнимание к принесённому в дом букету означало «её невнимание ко мне».

За ворохом взаимных упрёков была скрыта грустная правда о безнадёжной сексуальной жизни обоих: они ложились в постель как мужчина и женщина раз в полтора-два месяца. В цветущем возрасте.

Настало время деликатного и откровенного разговора, в котором больше сексологии, чем психологии. Время задуматься о том, куда и как ушло обоюдное желание быть друг с другом так близко, как только можно?

Когда Даша начала встречаться с Костей, им было по во-

семнадцать, и котики интересовали её гораздо больше цветов. У неё был подаренный ей родителями мэйн кун, и заботы о нём поглощали её полностью.

Семья у Кости была самая обычная, родители современные, в их жизнь не лезли. Выходила она замуж за Костю по любви. Жизненные задачи – карьера, ипотека, платные роды – решали вместе. Как они пришли к бессмысленности супружеской жизни, Даша и сама не знала.

Физически с годами стали грузнее оба. Непростительных обид между ними не было. Мыслей о ком-то получше – тоже. Отталкивающих моментов друг в друге назвать не получилось. Разочаровываться в муже Даше не приходилось, обещания он выполнял.

Пришлось спрашивать «в лоб», за что она его идеализирует, что её в Косте восхищало и восхищает? За что его хвалят её родители? Какими качествами в папе гордится её мама?

А Косте пришлось напомнить, что для секса нужны «сытость и праздность», тогда как маме двух маленьких детей праздное времяпровождение только снится. И то урывками.

На следующее занятие они пришли с инсайтом, что Даша рисовала себе будущее их семьи по модели брака своих родителей. Асексуального, по её мнению. Сохраняемого ради детей. И что другой модели отношений она просто не знает. А ушли – с заданием проявить нежность друг к другу в присутствии Дашиных родителей и посмотреть на эмоциональную реакцию «взрослых» и свою, в процессе.

Развести «розовые сопли» им не дали, мама их нежность тут же обсмеяла. Обескураженный Костя, – в его семье нежности умилялись, – только и смог сказать потом, что у него всё внутри сжалось. А как чувствовала себя Даша, какой стала её ласка и женственность за десятилетия неприятия матерью, он и представить себе не смог. Дашу же душил стыд за «тили-тили-тесто, жених и невеста» и невозможность вообще что-то сказать.

Вот с этим и начали работать.

А вазы в Дашином доме появились благодаря подругам. Она попросила их как-то на День рождения подарить несколько, под разное настроение и разные букеты. Потому что приносить в дом цветы любит её ненаглядный муж.

Мамины «стеклянные» глаза

Она дорого одета и умеет подать себя. Дамские сумки, как у неё, я видела только в глянце в интернете. Парфюм соответствующий. Она бабушка и приехала просить за внука.

Мальчику трудно в школе, и ему нужен психолог. Да, сам тоже хочет. Я выпишу вам чек за курс встреч вперёд. Приходить будет сам, он живёт отсюда в двух улицах. Ему 12.

Её присутствие отдаёт горечью, и я не знаю, настроена ли она откровенничать. Рассказываю про то, что без согласия родителей не могу взять киндера в терапию. Она кивает, достаёт из сумки сложенный вчетверо лист бумаги, на нём нужные слова и подписи.

Странно только, что лист с обратной стороны – какая-то чертёжная схема.

– Это черновики, – объяснит мне потом мальчик. – Папа не разрешает использовать бумагу только один раз, если можно использовать её с двух сторон.

Подросток слегка полноват, медлительный добряк, и в школе у него нет друзей. Способности к гуманитарным предметам, естественнонаучные даются с трудом. Спорт не даётся совсем, а ребята дружат только с теми, кто хорошо играет в футбол.

Похоже, я первая, кому интересно, как складываются сим-

патии и антипатии в его классе, у кого какой характер и какие бывают между людьми отношения.

Элегантная бабушка приезжает спустя два месяца с новым чеком. Любуюсь автомобилем, Кайенн в наших краях редкость. Задаю ей главный вопрос: есть ли шансы, что мама с папой придут на приём познакомиться со мной?

Она колеблется, потом начинает благодарить за то, что киндеру легче. Облегчение временное, потому что семья меня внутрь не пустила. Со временем всё откатится назад, на системном уровне я ничего не сделала. Прошу, убеждаю, аргументирую, – мне нужны родители на приёме.

Через две недели вижу папу. Говорит много правильных слов про то, что обязанность родителей – обеспечить детям старт в будущем. В семье детей четверо, папа один работающий. Жена мечтала быть хозяйкой большого коттеджа, он выплачивает ипотеку за трёхэтажную виллу. Дети просили собаку, взяли породистого щенка, собака ест дорогой корм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.